

Валентина Элиме

Попаданка.
Не будьте во мне лихо

Валентина Элиме

Попаданка. Не будите во мне лихо

<https://litres.ru/74345387>

Аннотация

Ну кто в XXI веке поверит в существование в реальной жизни сказочных персонажей, домового, лешего и банника, как и злых сил? Любаве пришлось. Она попала в Залесово по распределению и по зову души и сердца, но вместо учеников за партами ее ждало что-то пострашнее. Попала так попала! Не иначе, как в Древнюю Русь. И как говорится, не будите лихо, пока оно тихо. Ведь молодая учительница запросто может оказаться вместо местной ведь... хм... ведунки. А болезные "добро" молодцы ей и и вовсе ни к чему...

Историю можно заказать на бумаге через маркетплейсы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Глава 1

Ну вот и все

Любава

Ну вот и все! Учеба окончилась, и наступила пора покинуть стены учебного заведения. Я в нетерпении ходила туда-сюда, меряя коридор перед дверью в приемную директора педагогического училища. Ровно двадцать два шага. Ни больше и ни меньше. Затем следовало повернуть и идти по длинному коридору вдоль учебных классов. Наш Карл Маркович выбрал себе под кабинет комнату в углу, в тупике. И теперь я ждала вынесения мне вердикта.

Последний экзамен мы сдали еще две недели назад, как и защитили диплом. Все уже вернулись домой или разбрелись кто куда по нашей великой стране. Но три студента, молодых специалиста только что из-под станка, в число которых входила и я, все еще продолжали хлопать дверьми общежития и ждать решения Карла Марковича по распределению на работу. За наше обучение платило государство, и теперь мы должны были ему вернуть свой долг, отработав на него в течение пяти лет. И тут кому как повезет. Кто-то мог остаться в нашем же городе или отправиться в город побольше, а кому-то может повезти меньше, и ему придется уехать в глубинку.

Нет, маленький населенный пункт меня не страшил. Я сама ходила к Карлу Марковичу и просила отправить меня в деревню к бабушке. После смерти родителей я попала в детский дом. Так мне говорили нянечки и воспитатели. Там меня и нашла моя бабушка Прасковья. Но в силу ее возраста она не смогла бы меня забрать к себе. Пришлось ждать совершеннолетия в стенах приюта.

– Выучишься, станешь сильнее, и я тебя жду у себя, – поцеловав в лоб, бабка Прасковья попрощалась со мной при нашей первой встрече, внося суматоху в мою душу.

Больше мы с ней не виделись, но временами я получала от нее помощь продуктами. То свежих ягод, то домашние соленья, то творог и масло, то домашних пирожков. И я чуть ли не считала дни, когда получу на руки диплом, чтобы отправиться к бабке Прасковье. Все же единственная родная душа на все белом свете!

Меня не страшило и то, что живет она в деревне. Учителя в сельской местности тоже нужны! И главное, что я буду рядом с бабушкой. Вот только новости от Карла Марковича, что мы теперь обязаны вернуть долг государству, были для меня громом среди ясного дня. Я ведь обещала бабке Прасковье, что вернусь в родной дом, где и росла до того, пока не потеряла родителей! Правда, в силу возраста ничего не помнила...

– Всего и не упомнишь, – махнула рукой бабка, когда я начала расспрашивать про родителей. – Столько лет прошло.

А твои воспоминания скрыты, чтобы не печалить тебя горестью. Вот вернешься домой, все тебе расскажу.

И я с нетерпением ждала окончания учебы. Даже на практику напросилась на окраину нашего города, чтобы понимать, что будет ожидать меня у бабушки. Живя в общежитии, я не знала о деревенской жизни почти ничего. То, что будет нелегко, я понимала, но верила, что бабка Прасковья не даст меня в обиду и научит всему. Поэтому сейчас я заламывала руки и все ходила по маленькому закутку туда-сюда, в душе молясь за то, чтобы Карл Маркович сдержал свое слово.

Я, Любава Безымянных, была лучшей ученицей на курсе. Когда услышала новость про распределение, тут же побежала к Карлу Марковичу и начала слезно умолять выбить для меня место в селе Залесово. Утром того дня как раз получила гостинцы от бабки Прасковьи и без сожаления понесла лукошко, полное сочных лесных ягод, нашему директору.

— Карл Маркович, вы же знаете, что я лучшая ученица на курсе. Неужели не получится найти для меня местечко подальше от города? — любой другой человек покрутил бы у виска, услышав такую просьбу. Все тянулись в город, поближе к цивилизации, я же — наоборот. — У меня там бабушка одна. Ведь и в деревнях требуются учителя. Думаю, и вам будет в плюс, если лучшая ученица сама просится в глубинку, а те, кто повыше, закроют «дыру» по вакансиям, — уговаривала я директора, подталкивая к нему лукошко с ягодами

все ближе и ближе.

Карл Маркович поглядывал в сторону угощения, сглатывая слюни, но держался. Мужик он был хороший. Заранее ничего не мог обещать, но в большинстве случаев всегда выполнял наши просьбы.

– Ну что там? – не выдержав, я приоткрыла дверь и просунула голову в приемную.

Клара Игнатьевна лишь махнула рукой, чтобы я не мешала и зря не отвлекала. За дверью в кабинете директора слышался басистый голос Карла Марковича. Он все еще разговаривал по телефону. Мне пришлось закрыть дверь и продолжить томиться в ожидании. Ну сколько можно решать мою судьбу?

– Любава, заходи, – поморщилась на своем полном имени, что казалось мне на старинный лад, но тут же поспешила в приемную. Видимо, Карл Маркович завершил разговор и договорился насчет распределения.

– Ну, пляши, Любава! – директор училища не стал тянуть кота за хвост, размахивая передо мной листком бумаги.

– Получилось? – все еще не веря в удачу, поинтересовалась я, замерев на месте и приложив руки к груди.

– Конечно! Ты сомневалась во мне? – Карл Маркович зыркнул на меня строго, но взгляд говорил обратное. Он был весьма доволен. И вскоре я узнала почему: – Я не только выбил для тебя распределение в твоё Залесово, но и финансирование для училища. Там, как только слышали про твою

деревню, такое началось. Перевели меня на самого главного. Не верили, что кто-то сам лично туда просится. Тут уже засомневался я. Все ли хорошо с тем местом? Куда я отправляю свою лучшую ученицу? Меня заверили, что да, просто село находится в отдалении от города и других населенных пунктов, поэтому и не пользуется спросом. Ну что, готова внести знания в головы? – казалось, Карл Маркович помолодел на несколько лет.

И мне протянули вожденную бумажку, где черным по белому было написано, что меня направляют на пять лет в село Залесово. Жди меня, бабка Прасковья! Наша семья воссоединится через столько лет.

Я все глазела на строки, где стояло мое имя и конечным пунктом было указано Залесово. Не сдержалась и подбежала к директору, обняв мужчину как родного отца.

– Спасибо вам, Карл Маркович, – проговорила после, когда уже зарделась от своего поступка. – Вы не представляете, что для меня сделали!

– Ой, прекращай вот это, Любава, – директор училища засмутился и пригрозил пальцем. – Это я должен тебя благодарить. Твой запрос в Залесово помог нам с финансированием. Нашему училищу выделили деньги на ремонт и закупку мебели. Я целых пять лет пытался выбить из них деньги, мне давали от ворот поворот. А тут сами предложили и уже указ подписали. Так что это я должен тебя благодарить, – Карл Маркович пожал мне руку. – Иди к себе и собирайся

спокойно. Насчет билетов не беспокойся. Завтра тебя ответят.

Я с благодарностью взглянула на коренастого мужчину, который за годы обучения стал нам вместо отца, брата, друга и старшего товарища. Карл Маркович всегда держал руку на пульсе и интересовался проблемами каждого студента под его покровительством. И мне вон как помог.

— Вы даже не представляете, что именно для меня сделала, — прошептала я, все еще продолжая прожигать взглядом направление в Залесово. — Теперь я могу быть рядом с родной бабушкой и многое узнать про своих родителей.

Карл Маркович ничего не ответил. Он уже сказал что хотел. Для директора училища получить финансирование на ремонт учебных классов и на закупку оборудования дорогого стоит. Это вам не пороги обивать и каждый раз получить отрицательный ответ на свою заявку. Мужчина уже производил расчеты, забыв про меня. И его можно было понять. Чем больше человек, тем проблемы глобальнее.

Я вышла из кабинета директора училища, попрощалась с Кларой Игнатьевной, помахав ей направлением, и заторопилась в комнату в общежитии, что за четыре года стала мне домом. Временным. Все мои соседки уже давно разъехались кто куда. Арина уехала к родителям. Ее отец договорился с директором местной школы, и для моей соседки уже был подготовлен класс. Аленка пробила в столицу. Целеустремленная девчонка сумела найти для себя место под

солнцем в школе, пусть и на окраине большого города. Влада же не собиралась учить детей. Ей всего лишь нужно было образование. Дальше она собиралась устроиться няней в богатую семью и там же найти себе состоятельного мужчину.

У каждого имелись свои цели на жизнь. Я же любила детей, и мне нравилось с ними возиться. Надеялась, что Залесово процветало, несмотря на плачевное состояние нынешних деревень и сел, и там имелась ребятня, которой я многое смогу дать. Зря, что ли, так старательно училась!

Вытащила свою сумку-ранец и начала складывать туда свой небольшой скарб. Вещей с собой у меня было мало. Всю стипендию в основном я тратила на книги. Некоторые из них я собиралась взять с собой, а другие уже отнесла в библиотеку. Пусть теперь другие учатся по ним. За полчаса я сумела уложить все свои вещи. Обвела взглядом опустевшую комнату и присела на железную кровать, которая жалобно заскрипела под моим весом.

Покидать комнату в общежитии было жаль. Много было связано с этими четырьмя стенами. Первое знакомство с девчонками, первое недопонимание, первые ссора и примирение, первые отметки и празднование первой сессии. Теперь же общаться с ними будем только через письма. Алена и Арина оставили свои адреса, заверив ответить мне сразу же, как только я напишу им, добравшись до бабушки. Влада же только фыркнула на мое предложение дружбы вне стен училища. Ну, это ее дело. Надеюсь, что она сумеет найти свое

счастье в этой жизни.

Решив не сидеть без дела, принялась за уборку. Хоть так время убью. В нетерпеливом ожидании казалось, что время еле ползет, когда как мне хотелось прямо сейчас тронуться в путь, чтобы к утру оказаться в объятиях бабушки. Я верила, что и бабка Прасковья тоже ждет меня с нетерпением, поглядывая в окно и на дорогу: “Не приехала ли ее единственная внучка?”.

За маханием влажной тряпкой и не заметила, как наступила ночь. Перекусив булочкой и запив ее молоком, укрылась одеялом. Спала я беспокойно. Снились мне странные сны, где я убегала не то от черта, не то от страшной собаки. Со мной разговаривал не то осел, не то пони. Я несколько раз просыпалась, но сны все также продолжали беспокоить меня. И с первыми проблесками рассвета я встала на ноги. Возле входа в общежитие я оказалась раньше всех. Проводить меня вышли и Карл Маркович, и Клара Игнатьевна, и комендант общежития. Со всеми ними у меня были прекрасные отношения.

– Чтобы прославила свое имя Безымянных, – обняв на прощание и поцеловав в лоб, как своего родного ребенка, мужчина открыл дверь машины. – Тебя там встретят.

Наконец, со всеми попрощавшись, я забралась в машину и обняла свою сумку, и транспорт тронулся. В дороге меня сморил сон. Сказалась беспокойная ночь. Я и не заметила, как меня довезли до маленького городка, что больше сма-

хивал на поселок городского типа, где меня должны были встретить. Путь до Залесово был неблизким. Но каково же было мое удивление, когда вместо машины я оказалась перед телегой с соломой. И на этом мне добираться до села и трястись по неровным дорогам несколько часов? Они это серьезно? Я не гордая, но и такой транспорт не ожидала.

Глава 2

Глава 2

Дорогая дальняя

Любава

– Ну чего встала, как малахольная, разинув рот? – недовольный мужской голос заставил меня встрепенуться. Чуть погодя я увидела и самого хозяина, кому принадлежал окрик. – Еще и глаза выпучила. Телегу никогда не видела? – мужик в лаптях обошел лошадку спереди, прихрамывая, и встал напротив меня, не выпуская из рук вожжи. Его внешний вид меня немного удивил, но мне ли не знать, что каждый одевается по своим средствам. – И кого ждем? В Залесово тебе надобно или здесь решила задержаться?

Я смогла лишь кивнуть. Мужчина даже не удосужился мне помочь с сумкой. Он залез на телегу (слишком шустро для калеки) и уселся на облучок. Еще и подгонял меня.

– Долго тебя ждать? Мне некогда с тобой возиться. В селе вовсю идет пора сенокоса, а я тут лошадь свою понапрасну гоняю. Будто кроме меня внучку Прасковьи встретит некому, – мужик был недоволен порученной ему миссией. Того гляди, уедет без меня.

Я не могла этого допустить. Не став злить его еще больше, забралась на телегу. Колкая солома тут же забила мне под юбку, но я не стала возмущаться по этому поводу. Главное

– доехать до Залесово. А там можно попросить бабушку и баньку затопить. Душевая осточертела уже. Я надеялась искупаться и в речке.

– Откуда ты только взялась на мою голову, – мужичок все ворчал, подгоняя лошадку.

– Выучилась, получила диплом и теперь возвращаюсь домой, чтобы учить детей, – с немалой гордостью за себя проговорила я. Ведь в деревнях народ простой. Ученые люди всегда были в цене. И ведь не зря же говорят: где родился, там и пригодился. Вот и я возвращалась туда, где родилась и жила, пока моих родителей не стало.

Жаль, что я не помнила село Залесово. В моей памяти не сохранилось ничего. Я знала про местность только со слов бабки Прасковьи. Даже тот факт, что какое-то время вместе с родителями я жила в сельской местности, я не помнила. И то пожилая женщина была немногословной. Приходилось чуть ли не клещами вытаскивать из нее информацию.

Залесово, по рассказам моей бабки, находилось чуть ли не в забытом властями месте, среди величественных лесов и широких полей. Местная природа изобиловала красотой: раскидистые дубы и кудрявые березки, плакучие ивы, окаймляющие берега тихой, но временами бурной реки, цветущие луга с запахом меда, которые укрывались ярким покрывалом распустившихся цветов. По-другому: село цвело и пахло. В Залесово была и центральная площадь, где звучали песни. По праздничным и определенным дням торговцы с дальних

земель предлагали свои товары: от свежего хлеба до изысканных тканей. Детвора, смеясь, бегала по узким улочкам, а пожилые люди в свободное от работы время, сидя на скамейках, делились историями о былом и легендами, что передавались из уст в уста. В общем, каждый житель Залесово трепетно любил и ценил все, связанное с селом. И я представляла себе, что приеду в спокойное село, где все тихо и гладко, царит умиротворение и понимание среди его жителей.

Но немного все же переживала. Смогу ли я также полюбить Залесово? Пылко, бескорыстно и трепетно? Примут ли меня местные жители? Найдется ли мне место там?

– Ученая – это хорошо. Княже будет доволен, – пробурчал мужик, имени которого я до сих пор не знала. Вожжи легли на круп лошади, будто мы спешили. Учебный год начинался только через пару месяцев.

И я решила познакомиться с ним, не заостряя внимания на слове «княже». Как только люди не называют своих детей. Декабрина, Октябрина и Ленина¹ – еще куда ни шло, но я не завидовала тем, кого называли Тракторина, Плинта и Велюр². В наше время все чаще приживались имена из зарубежных фильмов. И это я еще не любила свое имя Любава и просила всех обращаться ко мне коротко Люба.

– Как вас зовут? – обратилась я к мужику, укладывая сумку рядом. – Я Любава Безымянных, внучка Прасковьи. А у вас имеются внуки?

– Яруном меня величают, – казалось, мужчина немного

оттаял. – В ярость я быстро впадаю, коль что мне не по душе. Так и начали величать. И ты это, у князя нашего будь посмелее. На днях он приедет с похода и вызовет тебя к себе. Проси место получше, ты же ученая, тогда будешь как сыр в масле кататься. Жениха тебе путного и богатого подберут. Невеста ты видная. Бабка-то твоя приданое немалое для тебя, пожалуй, давно уже подготовила. Свататься к тебе тут же начнут. Ты не сразу соглашайся, повыбирай немного. Иначе подсунут еще местного дурачка, будешь всю жизнь с ним маяться и всех проклинять. Не надо народ портить. Сглаз Прасковьи еще никто не сумел снять. Ее дар мог и тебе передаться по крови, – Ярун взглянул на меня с подозрением, словно прямо сейчас я шептала в его спину слова сглаза или даже проклятия.

Я даже не знала, что мне ответить на его слова. Замуж я не собиралась, как и заниматься непотребством в виде сглаза и тому подобного. Я ехала в Залесово к своим корням и учить детей. Но слова Яруна заставили меня встревожиться. В сердце моем поселилось сомнение. А туда ли я еду?

Но уже ничего нельзя было изменить. Поздно. На направлении стояло мое имя. На бумаге с синей печатью конечным пунктом значилось Залесово. Поэтому, отбросив все сомнения, я открыла сумку, достала булку и откусила от нее, даже забыв предложить свой нехитрый перекус Яруну. Я всегда хотела есть, когда расстраивалась. Правда, булок на все мои печали не всегда хватало...

Ярун оказался молчаливым собеседником. Высказавшись в самом начале пути, больше на меня он не обращал никакого внимания. Для него я буквально перестала существовать. Я перекусила булкой и запила его водой. От моего предложения поделиться с ним мужчина отказался. Я же не стала настаивать. Попробовала почитать – не получилось. Дорога была неровной и трясло сильно, что книга чуть ли не прыгала в руках. Пришлось довольствоваться видами природы, которые тоже довольно быстро наскучили.

– В Залесово много домов? – я несколько раз пыталась вызвать Яруна на разговор, но мужчина все свое внимание уделял дороге и лошади.

Дороги были земляные и песчаные, что немало удивляло меня. Еще машина директора училища неслась по такой пути, грозя вытрясти из меня всю душу. Сейчас этим же делом занялась телега. Пыль клубилась за нами, оставаясь позади и едва успевая лизать мне туфли. Давиться песчинками мне не давал Ярун, упорно подгоняя лошадь.

– Тучной сотни наберется, – словно нехотя ответил Ярун через какое-то время. Я думала, что уже не дождусь от него хоть слова.

Удивилась его странному подсчету, но виду не подала. Мужчина, скорее всего, являлся человеком старой закалки. Древние привычки не так-то легко было искоренить, как и привыкнуть к новшествам. Вон и одежду носил из льна, украшенную вышивкой. Скорее всего, рубашка на нем была

выходная. Да и лапти вызывали улыбку.

Задумавшись, я не сразу задала свой следующий вопрос. Между нами снова возникла напряженная тишина. Мужчина словно не доверял мне и временами поворачивал голову в мою сторону. Дабы убедиться, что я не нависла над ним с соломенной куклой в руке? Нож вряд ли он предполагал, если до сих пор верил в сглаз. Я же смущенно старалась любоваться однообразным пейзажем. Поля сменялись лесами, леса – лугами, а дорога все не кончалась, и не было видно Залесово. Ярун вел лошадь уверенной рукой, отрывая взгляд от дороги лишь для того, чтобы посмотреть на меня прищуренными глазами. Я же пробовала менять позы, только при любом положении моего тела пятая точка начинала гореть уже через минуту. И я перестала ерзать, тем самым успокоив и Яруна.

– А почему княже обрадуется моему приезду? Так величают вашего старосту? – я знала, что в деревнях до сих пор выбирались старосты, которые следили за порядком в селе. Они же собирали денежные средства, если местные жители готовы были что-то сделать своими силами для благополучия деревни. Ведь, со слов бабки, власти давно забыли про Залесово.

– Староста следит за порядком в Залесово, а княже за целой волостью, все подати несут ему, – и снова вожжи легли на круп лошади. Телега ускорила. Я же снова задумалась, уже мало обращая внимания на дискомфорт во всем теле.

Боль отошла на второй план. Неужели меня везут в какую-то сектантскую деревню, где до сих пор почитают и побаиваются каких-то князей? – Тебе тоже придется явиться под строгие очи княже и просить для себя место. Без его разрешения ты не сможешь ничем заниматься, как и дом бабки в свои руки прибрать.

После слов Яруна мне захотелось вытащить направление и потрясти им перед лицом темного мужлана, но сдержалась. Громкими спорами с Яруном я ничего не добьюсь, лишний раз только воздух сотрясать. Обняла свою сумку, словно я готова была в любой момент прыгнуть на землю и вернуться в училище пешком, чтобы с горькими слезами уговаривать Карла Марковича найти для меня другое место. Вместо этого сильная тряска загнала меня в сон.

Открыла я глаза в тот самый момент, когда воздух наполнился ароматом свежескошенной травы и цветущих полевых цветов. Обернулась и вдалеке увидела дома.

Залесово...

Сердце учащенно затрепетало в груди, я даже дыхание задержала. Я скоро буду дома! И смогу обнять бабушку Прасковью. Вдруг получится вспомнить, как я босоногая бегала по улицам вместе с соседскими детьми. И своих родителей. Все же я родилась здесь и росла...

– К вечеру только доберемся, – Ярун поумерил мой пыл, подгоняя лошадь.

Создавалось стойкое ощущение, что мой провожатый как

можно скорее хочет избавиться от меня. Я же не могла дожждаться, когда мы въедем в родное село моего детства, и с нетерпением предвкушала, когда же наконец-то окажемся на одной из улиц Залесово. Желательно, где проживала моя бабушка. Внезапно телегу сильно трянуло. Я вздрогнула, ощутив холодок по спине. И это в жаркую пору лета. Ярун обернулся, но словно он и не заметил ничего. Я же не выдержала и слезла с телеги. Дорогу до дома бабушки Прасковьи, надеюсь, местные жители укажут. Главное, я добралась до конечного пункта.

Но странности на этом не закончились. Я огляделась. Казалось, что время здесь замерло где-то несколько веков назад, не иначе. Деревянные избы с соломенной крышей. Вместо асфальтированной дороги – две пыльные змейки. Повседневная и такая привычная мне жизнь в городе не имела с Залесово ничего общего, будто меня закинуло в древнюю Русь. Не было встречающихся чуть ли не на каждом шагу столбов с фонарями. Женщины в сарафанах до пят. Возле домов сидели старики. Кто чинил сеть, кто крутил колесо от телеги, постукивая по нему. Детвора крутилась возле них, размахивая палками. Нет бы мяч погоняли.

Я же шла по пыльной дороге, сжимая в руках сумку, как последнюю соломинку-надежду для своего спасения, и не понимала, что происходит вокруг меня. Вскоре так вообще застыла как вкопанная, увидев ребенка посреди дороги еще и возле костра.

Ребенок??? Один? Ночью?

¹ Имена в честь В. И. Ленина и революции.

² Имена, появившиеся после выпуска трактора, также благодаря советским лозунгам.

Глава 3

Глава 3

Первые странности

Любава

Почему мальчик один в такое время? Еще и посреди дороги. Где его родители?

Я во все глаза взидала на ребенка, который в одной лишь нательной рубашке сидел на бревнышке, а село уже окутывалось ночным покрывалом. Осмотрелась по сторонам. Поблизости никого из взрослых не было, кто бы мог следить за дитем. Я удивилась такой беспечности родителей. Ребенку на вид было всего лишь года четыре или пять. Кроме того, что он был один, еще и сидел возле костра. От того, чтобы не затушить огонь, меня удерживало лишь одно: от него шел хоть какой-то свет, иначе не было бы видно даже дорожки под ногами. Меня так и распирало от негодования и желания отчитать взрослых. И им очень свезло, что их не было в поле моей видимости.

– Как тебя зовут? – поставив сумку на землю, поинтересовалась я у мальчика, оглядываясь по сторонам. Я все еще надеялась на то, что его родители находились где-то рядом. Вдруг к соседям заглянули и заговорились. Еще обвинят меня потом в nepотpeбcтвe. Сейчас время такое, что никому доверять нельзя. Это вам не давние времена, когда даже зам-

ки на двери не вешали, доверяли соседям и друг другу. В первый день приезда в село мне только этого не хватало. Мне еще работать здесь, детей их учить.

– Все по-разному зовут, – для возраста примерно четырех лет слишком чисто заговорило дите, наклонив голову и с интересом разглядывая меня в ответ. – Кто на что способен. А так – Горазд. Вы издалека приехали, тетенька? И к кому? – несмышлениш оказался весьма любопытным для своего возраста. Может, его родители не так плохи, как я могла про них подумать? Вон какого пацана воспитали. Помню, в соседнем дворе дети тоже сами по себе гуляли на детской площадке, и на вид им тоже было не больше пяти или шести лет. Тут все же деревня, все друг друга знают, нет-нет да и присмотрят все же за дитем одним глазком, не разделяя на “свой” или “не свой”.

– К бабушке я приехала, – на автомате ответила я, все еще пытаясь разглядеть поблизости кого-нибудь из родителей мальчика. Ну не могли же они оставить его здесь и забыть про него. – К бабке Прасковье. Знаешь такую? Из Безмянных она.

– Как же не знать, – снова удивил меня малыш. – На всю округу она была известна. Все к ней ходили: кто за зельем, кто за мазью, кто за припаркой, кто сглаз снять, – как в таком возрасте можно было все это знать? – Пойдем провожу, – встав на ноги, мальчик не стал дожидаться моего ответа и зашагал по дороге дальше, оставляя в пыли следы босых ног.

Я, разинув рот, смотрела на босые ступни мальчика, уходящего от меня и так похожего на херувима. Кто посмел выгнать на улицу такого ангелочка? Где все же его родители, что позволяют гулять ему одному в позднее время? Еще и огонь разводить?

— А почему ты один? — я догнала мальчика и зашагала с ним рядом. — Где твои родители?

Что-то меня в его облике смущало, но я не могла понять, что именно. Решила внимательнее приглядеться к мальчику, а пока разговаривать его. Оглянулась, чтобы напомнить ему про костер, но на удивление огня я не заметила. Что за чертовщина?

— Я не один, — нахмутив лоб, все же ответил мне малыш.
— Родители дома, они не забывают обо мне.

И больше я от Горазда ничего не услышала. Мальчик ушел в себя. Он шел на пару шагов впереди меня, я же послушно следовала за ним, стараясь присмотреться не только к нему, но и вокруг. Яруна и след простыл. Мне кажется, он облегченно выдохнул, когда я слезла с телеги и решила пройтись пешком. Я так и представила живую картину перед собой, как он снова и снова опустил вожжи на круп лошади, подгоняя бедняжку, которая и так еле волочилась, лишь бы оказаться от меня подальше.

Ребенок повел меня по окружному пути. И как бы я ни пыталась его разговаривать, Горазд отвечал кратко, одним словом. Ну хоть имя его знала. Расспрошу потом про него у ба-

бушки Прасковьи, да и схожу к его родителям. Поблагодарить и заодно сделать замечание. Не должен малыш такого возраста гулять по вечерам один и баловаться огнем. Не ровен час, все село спалит еще.

— А ты чей будешь? Фамилию свою знаешь? — мой очередной вопрос вызвал ступор у мальчика. — Я — Безымянных. А ты?

— Местного кузнеца я сын. Ярило его величают, — Горазд остановился, и взгляд его упал в конец деревни. С крайнего дома слышался звук молота о наковальню. И, видимо, сын скучал по отцу, но дорога ему туда была заказана. Что было правильно! Не место детям в кузнице, где не только огонь является опасным. Ну, хоть в этом родители мальчика вели себя ответственно.

— Будем дружить с тобой тогда? — протянула я руку мальчику.

Ответного рукопожатия я не получила. Горазд поспешил вперед, ускорив шаги. Я еле поспевала за ним. Вскоре он вывел меня на одну из улиц Залесово и направился к одному из домов. Ночь уже всю хозяйничала в селе, так что я решила проводить мальчика домой. Свет из окон домов не давал достаточного освещения, а уличных столбов я не разглядела. Видимо, местные мальчишки перебили все лампочки.

— Ты мне укажи на дом бабушки Прасковьи, а после я провожу тебя. Опасно по ночам бродить одному, да еще и в таком возрасте, — предложила я Горазду, но ответа не получи-

ла.

— Пришли, — и мальчик указал на дом, где окна глядели в мою сторону темными провалами. Бабушка у соседей?

— Благодарю, — произнесла я, не сводя глаз с избушки, будто была зачарована ей. — А теперь покажи, в какой стороне живешь ты?

Ответом мне была тишина. И пустота. Горазда рядом не оказалось. Сбежал, что ли, или спрятался?

— Горазд? — позвала я мальчика, но никто на мой зов не отозвался. — Выходи! Ночь на дворе. Ты не боишься один гулять?

Странный ребенок не отозвался. Первую мысль: кинуться на поиски ребенка, — затолкала внутрь. Не мое это дело. Раз сбежал, значит, не хотел, чтобы я его до дома провожала. К тому же, если родители его не ищут, значит, привыкли к отлучкам мальчика.

Мысли о мальчишке отошли на второй план. Все свое внимание вернула дому. Первые эмоции радости разом смыло, стоило взглянуть в черные омуты окон. Свет нигде не горел, словно бабка Прасковья уже легла на ночь. Но, по словам Горазды, к ней ходили все кому не лень, чтобы «лечиться». Не думаю, что она так рано уходила на сон. Ведь зубная боль любила приходить по ночам.

Дом был небольшой. Крыша устлана соломой, в окна вставлены мутные стекла. Ощущение, словно я попала не просто в село, а переместилась на несколько сотен лет назад,

подкрадывалось ко мне все ближе и ближе. Правильно ли я сделала, приехав из города в Залесово? Смогу ли я так углубиться в жизнь за пределами каменных джунглей и оценить дыхание настоящей русской деревни? Ведь вместо радушно-го приема меня встречал одинокий дом без хозяйки. Где бабушка Прасковья?

Как бы я ни боялась, шагнула к дому. Дверь отворилась со страшным скрипом, будто я потревожила ее многолетний покой. Внутри царила невыносимая тишина. Даже сверчки не стрекотали. Дом не был запущен, но было сразу понятно, что здесь уже давно никто не жил. Но как же? Бабушка Прасковья ко мне сама не приезжала, но записки от нее и продукты-то я получала на постоянной основе. Вот буквально на днях лукошко лесных ягод, на которые даже Карл Маркович облизывался. Пришлось отдать директору училища, чтобы попасть именно в Залесово. Получается, что все мои старания зря?

Поставила сумку на лавку. В углу стола стояла свеча. Словно знала, что мне пригодится. Среди моих вещей была упаковка спичек. И именно сейчас я была им несказанно рада. Нашарив в темноте необходимое, встряхнула спичечный коробок. Свеча загорелась, освещая покрытую пылью мебель. Хозяйка давно покинула свою обитель. Я почувствовала странную тревогу, словно попала в какую-то временную петлю.

Выглядело все так, словно время здесь остановилось.

Огромных размеров выбеленная печь занимала одну треть всего дома. Мебель была грубой ручной работы, без покраски. На полу лежали тканые ковры, пряча от лишних глаз доски без краски. Разделения на комнаты не было. В углу с потолка свисала ткань, скрывая за собой лежанку. Постель была укрыта покрывалом, украшенным ручной вышивкой.

Я прошла дальше, осматривая убранство дома. Вместо кухни было выделено пространство за печкой. Там же, в углу, на полках была расставлена кухонная утварь, вся из глины. На столе лежали деревянные ложки и ножи ручной работы, забытая посуда. На стене висели пучки каких-то трав. Рядом с дверью на лавку было поставлено деревянное ведро с водой. Живительная влага в нем давно протухла, забытая хозяйкой. Все было укрыто слоем пыли и захвачено в плен паутины. Здесь давно не затапливали печь, не готовили хлеб и не подметали пол.

Куда я попала?

Вместо ответа я услышала шаги. Обрадованная, что бабушка вернулась домой, я выскочила ей навстречу. Но вместо родного лица в сенях я столкнулась с незнакомой женщиной.

Мы обе от неожиданности вскрикнули и замерли, приглядываясь друг к другу. Первой заговорила ночная гостья.

– Как ты похожа на Любомиру, – проговорила она, прикладывая к глазам подол старинного платья. – Прасковья говорила, но я все равно не верила. Одно лицо. Если бы меня

не предупредили, то приняла бы тебя за нее.

— А кто такая Любомира? — у меня голова шла кругом от происходящего, но я держалась. Надеюсь, что бабка Прасковья мне все объяснит. — И почему в доме все так запущено? Где бабушка?

— Ой, что это я! — от моих вопросов незнакомая женщина опешила, затем заторопилась, словно поняла, что сказала что-то не то. — Я же пришла тебе с гостинцами. Прасковья предупреждала, что ты скоро должна приехать. Даже Яруна уговорила съездить за тобой в Черногоров. Хвасталась, что ты ученая вернешься. Просила приглядеть. Вот, держи. Чем богаты.

Ночная гостя протянула мне крынку молока да кругляш хлеба.

— Пойду я, живность еще в хлев загнать надо, — с этими словами женщина, чье имя я так и не услышала, заторопилась.

— Постойте! — все же я сумела ее остановить. — Где бабушка Прасковья?

Нисколько не поверю, что она не ждала моего приезда и уехала куда-то по делам. Да какие у пожилого человека могут быть дела вдалеке от дома? Скотину пригнать? Давно бы уже заявила. Ночь на дворе. Да и женщина, что, скорее всего, была соседкой бабки, казалась странной. Вела себя дергано, прятала глаза и все норовила сбежать.

— Дык это, — замялась соседка, — нет ее. Еще в травень¹ с

ней попрощались. Перед уходом просила тебя принять как свою родную. Все переживала, что не сможет сама с тобой свидеться. Вот ждали. Когда свет в окнах увидала, тут же прибежала. Наказ Прасковьи надобно исполнять, иначе худо будет.

Я едва удержала в руках гостинцы. Еду не стоило разбазаривать. Но новость о похоронах бабушки Прасковьи острой болью кольнуло в сердце. Как же так?

– Ты, Любава, выпей парного молока да спать ложись. Утром к тебе загляну, все расскажу.

И я осталась одна. Где я? Куда меня занесло?

¹ травень – месяц май.

Глава 4

Глава 4

Приснишь кхм... Явись жених невесте!

Любава

Не зря говорят: хочешь рассмешить судьбу – строй великие планы на будущее. Я приехала в Залесово работать в школе, учить детей, вести кружки после занятий и не только. В основном для того, чтобы быть рядом с родным человеком, единственным на этом свете. Заодно узнать про своих родителей, которых я не знала и нисколько не помнила. А бабушка Прасковья обещалась все поведать. И приняла меня, и все семейные тайны собиралась поведать...

Я еще несколько минут простояла в сенях, все еще прижимая к себе крынку с молоком и кругляш хлеба. Казалось, от домашнего каравая все еще чувствовалось тепло печи. Только оно никак не согревало от одиночества и потери родного человека. Придя в себя, вошла в дом. Уже тут задумалась, куда положить гостинцы от соседки, с которой не успела познакомиться. Добротный стол тоже был укрыт слоем пыли. Свет от свечи едва ли освещал один угол дома. И если бы кто заглянул в окно, то принял бы меня за призрака. Только одежда на мне – костюм бордового цвета, который поймал не один косой взгляд, – говорила о том, что я человек.

Смахнув грязь со стола рукавом костюма, положила го-

стинцы. Облако пыли заставило меня чихнуть. И как следовать совету соседки и лечь спать, чтобы утром принять взвешенное решение, как поступить дальше, если сперва нужно убратся? Я даже не знала, за что браться в первую очередь.

Заметив бабкин сундук, ломанулась к нему. К моей радости, замка на нем не наблюдалось. Приподняла крышку. В нос ударил не запах старины, а высушенных трав. Убрав пучок трав, начала исследовать содержимое сундучка. В руки попали свечи, чему я несказанно обрадовалась. Зажгла еще несколько штук и расставила по дому. Темнота меня пугала, как и все странное на вид вокруг. И я испугалась за свое сознание. Либо я сходила с ума, либо действительно каким-то образом переместилась в другое время. Ну не фильм же здесь снимают! Да и некому меня разыгрывать. Вряд ли бы бабка до такого додумалась. К тому же пожилой человек не стал бы играть со смертью.

Осмотрев дом еще раз и оценив фронт работы, принялась за уборку. Глаза могут бояться долго, а все придется делать руками. Да и ночь уже почти на дворе. Раскрыв окна, впуская свежий и прохладный вечерний воздух, направилась во двор на поиски воды. Надеялась, что колодец все же имелся неподалеку. Огонек свечи недовольно искрил, но все же не потушал, давая мне возможность хоть немного осмотреться. Источник воды нашелся за домом. Не поленившись заглянуть внутрь, убедилась, что вода там имелась. Кое-как разобрав-

шись с деревянной конструкцией, что видела впервые, вернулась в дом и взяла ведро с водой, еще и пустое прихватила.

Дело сдвинулось с мертвой точки. Вытащив во двор коврики и постельные принадлежности, чтобы выбить из них пыль, споро начала вытирать мебель. Генеральную уборку оставила на светлую часть суток. Сейчас бы мне подготовить место для сна да чтобы перекусить. Взгляд все чаще упирался на крынку с молоком и каравай хлеба, что я предусмотрительно накрыла чистым полотенцем.

Дом бабушки казался забытым временем. Я протирала мебель и жалела о том, что не успела свидеться с родственницей перед ее смертью. Все чаще задавалась вопросом: “Почему она не написала мне и не попросила навестить ее?”. Я бы приехала раньше. Смахнув слезы, прислушивалась к шороху на улице и продолжала свою работу. Случившегося уже не воротишь, придется идти дальше. Утром, на свежую голову, мне придется решить, что делать. Готова ли я задержаться здесь на несколько лет, пока не отработаю положенные годы? Разрешат ли мне жить в доме бабушки Прасковьи?

Ломая себе голову вопросами, сама не заметила, как убралась в доме. Вылив грязную воду, принесла для питья чистую в новой посуде. Утолила жажду после нескольких часов труда, испив колодезную воду из ковшика. Такой не раз видела в музее у нас в училище. Обычной кружки нигде не нашла. Посуда вызвала множество вопросов, но со всем разобраться решила завтра. Сил на что-то действенное не оста-

лось. После сменила изрядно испачкавшийся костюм на простое платье и присела за стол. Парное молоко давно остыло. Отломив краюшку, поужинала хлебом, запивая его жирным молоком из плошки, представляя себя чуть ли не барыней. В этот вечер вкуснее этого наипростейшего ужина, казалось, я в жизни не пробовала.

Насытилась, организм потянуло в сон. Глаза начали слипаться, что я еле успела дойти до лежанки за шторкой, которую я забыла снять. Укрывшись вышитым покрывалом, в некоторое время пустующем доме было довольно прохладно, я еле успела пробормотать фразу на сон:

– Сплю на новом месте, приснишь жених невесте.

А он возьми да и явись на самом деле! Ну вот кто его просил?

Но все по порядку. До встречи, так скажем, с женихом, что должна была случиться через несколько часов и о которой я и не догадывалась, была уйма времени.

Утром я проснулась от звука кукареканья петуха. Точнее резко присела.словно заорали прямо мне в ухо. Оказалось, я забыла закрыть окно. Удивилась. Вроде ночью хозяйства во дворе бабушки не наблюдала, а тут такой сюрприз чуть ли не на подоконнике восседал. Изгородь из жердей была сплетена в точь под окнами. Упала обратно на подушки.

Поспала, называется. Сколько времени, интересно? Еще из школьных знаний помнила, что петухи начинали голосить ближе к пяти утрам. В доме было почти светло, значит,

утро вступило в свои права. Летом дни были самые длинные. Но сил встать и выглянуть в окно не было. Где-то за домом уже всюду шумела соседская живность, да и сами местные кумушки подгоняли скот, будто горло прочищали. Но мне некуда было торопиться. В планах только посетить могилу бабушки Прасковьи да вещи ее пристроить. Решение остаться здесь или вернуться в город для того, чтобы поискать работу в ближайших к училищу школах, я верила, придет в мою ясную голову в течение дня.

После вчерашней трудотерапии приниматься за работу желания и вовсе не было. Дом весь убрать я не успела, нужно закончить сегодня. Все тело болело, хотя ленивой меня было не назвать. Комнату в общежитии держала в порядке, влажную уборку делала чуть ли не каждый день. Не выносила пыль.

В сенях слышала шаги, но и это не заставило меня подняться на ноги. Утренняя летняя прохлада щипала тело, заставляя укутываться покрывалом еще плотнее. Я надеялась, что в такую рань ко мне могла заглянуть только соседка бабки. Либо же Горазд. Но дети в такое время видели самый сладкий сон. Вряд ли мальчик захотел свидеться с незнакомкой спозаранку.

Снова прислушалась. Шорох в сенях пропал. Петух тоже затих, недовольный результатом моей побудки. Уверовал, скорее всего, что хозяйка ему новая досталась ленивая и нечего ему попусту глотку драть. Волна стыда все же косну-

лась и меня. Если у бабушки имелась живность, и соседи все это время приглядывали за ней, то стоило и мне подняться на ноги и заняться хозяйством. Я наконец-то смогла посмаковать свой сон.

Яркий, чувственный, сладостный...

Никогда не верила в вещие сны. Не раз слышала, как пожилые люди общались между собой и делились своими наблюдениями. Если им снился пожар, то многие верили, что погода потеплеет. Если кто качал на руках младенца, то тот человек обязательно заболит. Я не то чтобы не верила, относилась к сновидениям скептически. Мне больше хотелось верить в то, что в течение дня наш мозг уставал, а ночью отдыхал, показывая нам яркие картинки.

Но именно с сегодняшнего утра я готова была начать верить. И не прочь, если мой сон все же воплотится в реальность. Ночью я видела доброго молодца, как принято говорить в сказках. Косая сажень в плечах, кулаки как кувалды, сил немерено, да и лицом мил. Высокий, стройный, с голубыми глазами да золотистыми волосами. И этот красавчик всецело принадлежал мне. Как любят у нас поговаривать «настоящие» мужики, молодой человек из моих сновидений был моим подкаблучником. Радовал меня полевыми цветами, не давал мне возможности заработать трудовые мозоли и буквально носил на руках. А его признания в любви чего стоили...

Вспомнила сон, пригорюнилась, что в жизни таких не бы-

вает, и все же поднялась на ноги. Умывшись прохладной водой, обулась во вчерашние туфли. Ни тебе галош у бабушки, ни сапог резиновых. Неужели бабка отвергала современные технологии, носила лапти и какую-то кожаную обувь, что больше походила на домашние тапочки и несильно-то и отличалась от тех же лаптей по длине завязок.

Живность все же обнаружилась. С десятков курочек да петух с ярко-огненным хвостом, словно угли в костре. Скота не наблюдалось, что меня только обрадовало. Не то что корову, я и козу-то доить не умела, как и не знала, с какой стороны к ним подходить. Высыпав корм в деревянную кормушку и налив им чистой воды, с чувством выполненного долга я вернулась в дом. Снова перекусила вчерашним молоком и хлебом и принялась за уборку.

Мы с девочками тоже мыли комнату два раза в год. Весной – до Пасхи, а осенью – как заканчивалась уборка, как делали еще наши предки. Бабушкин же дом, казалось, не мылся несколько лет. Неужели бабка Прасковья сдала и на такие вещи перестала обращать внимания? Обычно пожилые люди щепетильно относились к церковным праздникам и старались соблюдать не только пост.

Кое-как зажгла печь, налила воды в чугушки и поставила ближе к огню. С холодной водой возиться, как вчера ночью, мне не хотелось. Да и с теплой водой приятнее работать и отмывать грязь. Заткнула подол платья за пояс и принялась за работу.

Вся постель, покрывала и ковры были вывешены на забор. Посуду, что нужно было отмыть, выставила во двор. Даже бабкин сундук умудрилась дотащить до сеней. Вся мелочовка была сгружена на ткань и выволочена во двор. Пучки трав вперемешку с паутиной держать в доме было ни к чему. Да и не умела я из них что путное сготовить.

И принялась за генеральную уборку. С каждым бревном, с каждой половицей, что глазели на меня отполированным желтым пятном, я чувствовала запах дерева. Будь они крашеными, дело пошло бы скорее. Но чем богаты, как говорится. Ближе к обеду ко мне вновь заглянула соседка.

— Уборку затеяла? Это хорошо. Женихам нравятся работающие девицы, — похвалила она меня. Вот о женихах я думала в последнюю очередь, но смолчала. — Думала позвать тебя за стол, пока ты не обосновалась. Дома-то, небось, еды никакой нет. Приходи к нам, как закончишь. Мой дом через дорогу, чай, не заплутаешь. Если потеряешься, то скажи встречному, что ищешь Зарему. Всяк тебя на мой дом укажет, — наконец-то я услышала имя соседки.

На том и порешали. После слов Заремы довольно долгое время пустой желудок напомнил о себе жалобным урчанием. Но не успела я выбить ковры и занести в дом, как была снова окликнута.

Возле открытой калитки стоял не кто иной, как жених из моих сновидений. Я чуть вещи из рук не выронила. Да только на доброго молодца он похож был только отдаленно.

Глава 5

Глава 5

Сын князя

Любава

Добрый молодец был худ, как молодой побег ивы. Длинные руки парня висели вдоль худощавого тела, будто в них не было силы. Бел, как покойник в гробу. Весь осунувшийся, как столетний старик, еле волочивший ноги. Он держался словно на одном честном слове, пытаясь выпрямиться. И взгляд его... Блеклый, пустой, словно затуманенный. Но где-то в глубине еще горела искорка. Она и впилась в меня.

– Любава? Внучка Прасковьи? – не торопясь приблизиться и лениво опершись на столб, сразу перешел он к расспросам. Затем почти безжизненные глаза опустились на мои открытые коленки. Казалось бы, ничего такого в этом не было. Мини-юбки и того короче были – в ширину ладошки. Но что-то во взгляде нежданного гостя было такое, что мои щеки стали красными, как лапки гусей на снегу. – Негоже сына князя встречать в таком виде. Али в Черногорове непотребному ремеслу научили? Так наши бабоньки быстро тебя уму-разуму научат. Да и меня таким не пронять. Видел и получше, и покрасше.

До меня не сразу дошли слова пришлого гостя. В моем же доме меня посчитали девицей легкого поведения. Меня, к

кому ни разу не коснулись мужские руки! Я одернула подол платья, закрывая оголенные ноги, сдернула с забора бабкин ковер и зашагала к дому.

— Чему меня учили — не твоего ума дела. Говори, зачем явился, да проваливай! — мою приветливость как ветром сдуло. Мои глаза смотрели на болезного зло. Ишь, жених выискался.

— Так, может, зря отец о тебе тревожится? Вижу, за себя постоять можешь. Ремесло уже есть, а то, что грамота имеется, что ученая, мои глаза и так могут подтвердить, — белесый туман в глазах гостя сменился кровавым огнем. — Разве сгодится, чтобы плату повыше потребовать. Серебрушки тебе хватит?

Я не успела ничего ответить, как гость, что преображался буквально на глазах, из стоящего на пороге смерти мертвяка превращался чуть ли не в разъяренного зверя. Он полез в карман своих шаровар, и затем в мою сторону что-то полетело. К моим ногам упала серебряная монета с рваными краями. Дорого же меня оценили! Но вместо бранных слов и поганой метлы, чем нужно было гнать взашей этого наглеца, я лишь гордо вскинула голову. Стремительные перемены в госте хоть и пугали, но я не собиралась падать к его ногам. Хоть он и назвался сыном князя, я в глаза не видала упомянутого еще Яруном княже. Некому кланяться. Да и прошли те времена. Пусть во дворе я и была одна, закричи, тут же прибегут соседи. Это в городе мы не знали, кто живет за со-

седней железной глухой дверью. Здесь же все было по-другому. Ничего не укрывалось от любопытных глаз соседей. Горе было всеобщим, как и радость. Последним куском было принято делиться. Но ложка дегтя находилась в каждой бочке.

— Говори, зачем явился? — поднимая взгляд от монеты, что укрылась под слоем пыли, потребовала я. — Мне некогда с тобой ласы точить. Дом нужно в порядок привести.

Да и Зарема меня ждала. Но об этом незнакомцу знать было необязательно. Мне хотелось скорее избавиться от гостя, занести вещи в дом, чтобы они не попали под дождь. В небе все больше собирались хмурые тучи, да и ветер посвежел. А я еще не успела осмотреть все хозяйство бабки, как и огород.

На мой горделивый вид незванный гость только сплюнул мне под ноги, будто ему претило со мной связываться. Будь его воля, он бы и во двор не ступил, не то что заговорить со мной.

— Княже воротился с Черногорова, — с важным видом озвучил он, приосаниваясь и глядя куда-то в сторону. Видимо, не раз получал от отца трепку за важную наружность. Если подумать, княжич — второй человек в деревне. Как-никак наследник. Но мне было побоку, что они до сих пор жили в древности, когда как за несколько километров от них ездили машины и гудели поезда. Лишь бы в секту не затянули. Вот только желание остаться и попытаться хотя бы что-то исправить росло с неимоверной силой. — Весть о твоём прибытии шла за ним следом. Твоя бабка когда-то просила за тебя. Как

только прибыл, за тобой отправил.

Не вымолвив ни слова, прошла в дом. Расстелила ковры и замерла посередине дома. Гость будет дожидаться меня, но отчего-то хотелось сделать все ему назло. Будет знать, как считать меня девицей древнего ремесла. Вспомнила про бабкин сундук. Пыхтя, затащила его в дом. Явно в глубине ларя бабушка Прасковья сохранила пару вещичек для своей внучки, которую звала к себе. Приданое начинали собирать сызмальства.

Упала на колени и, нисколько не заботясь о порядке, завертела вещами. Простые льняные сарафаны нашлись в самом внизу. Вытащила и приложила к себе. Словно сшито для меня. Там же, в углу, нашла костяной гребень. Видела такие в музее. В голове не укладывалось, что бабушка тоже застряла в старине. Но изменить я уже ничего не могла.

Воровато выглянув в окно и убедившись, что сын князя все также подпирает столб калитки, я переоделась. Затем старательно расчесала волосы, пока они не начали блестеть, и заплела в косу, завязав лентой. Быстро вымыв ноги, натянула кожаные тапки¹. По дому и по двору до прихода гостя ходила босиком. Покрутилась. Жаль, зеркала не было, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на себя и оценить.

Выдохнув и взяв с собой документы, я вышла во двор.

– Ну, теперь веди к князю, коли он велел.

Перед домом княжича ждала гнедая. Лошадь мирно пощипывала травку, но стоило мужчине шагнуть за калитку,

как она тут же подняла голову и шагнула к хозяину. Княжич провел ладонью по лошади, похлопал по шее и запрыгнул на нее. Не без труда, что не укрылось от меня. Даже гнедая это поняла, неодобрительно покачав головой.

— Не отставай, — буркнул он недовольно, всем своим видом показывая, что ему приходится возиться со мной вместо серьезных дел, и направил лошадь по улице.

Я без возражений последовала за ним. Сперва обращала внимание на все и ни на что одновременно. В голове крутились сомнительные мысли насчет князя. Кто он такой? Почему именно князь? Не староста или кто там отвечает за порядок в деревне? Боялась, что меня вели к организатору секты. В группу немного сумасшедших людей попасть не хотелось, как и принимать их мысли для дальнейшего распространения. Не раз слышала по новостям, как прикрывали очередную секту. В городе их расплодилось немало. В деревне так раздолье для них. Легче задурить голову местным жителям. Да и никто здесь особо за правопорядком не следит.

Углубившись в свои размышления, я пропустила момент, когда я ускорила шаг и оказалась впереди гнедой княжича. Замедлилась, не зная, в какую сторону идти. По деревне я шла впервые. В какой-то момент заметила, как между деревянными срубами домов мелькнула рубашка Горазда. Я была рада увидеть мальчика. Повернула голову и, дождавшись его взгляда, помахала ему рукой, приветливо улыбнувшись. Жаль, что он не достиг еще возраста, когда его можно по-

садить за парту. Его я рада была бы увидеть на уроках. Вот только на мое приветствие мальчик не ответил, исчезнув из виду.

Заметив мой взгляд, мужчина повернул голову в ту же сторону. Но Горазда и след простыл. Мужчина нахмурился, сведя густые брови, и его недоверчивый взгляд уперся в меня. Порадовало, что он промолчал. Перекинула косу на другое плечо и наконец-то осмотрелась. Когда мне еще предвидится шанс прогуляться по деревне.

Первое, что бросилось в глаза, – это дома и крыши, покрытые соломой. Кое-где разглядела – из досок. Видимо, это говорило о достатке хозяев. Немало удивляла одежда местных жителей. Женщина в сарафане прошла к соседке. Платье больше напоминало иллюстрацию из школьного учебника истории. Также я видела похожий сарафан в краеведческом музее, куда нас водили чуть ли не каждый год. Перед слегка покосившейся избушкой сидел старик с длинной бородой. Проведя по ней, он крутил деревянное колесо от телеги. Рядом с ним бегали дети, каждый мал мала меньше другого, громко смеялись и носились друг за другом. Перед каждым домом имела лавка, также колодец-журавль². На заборах красовались глиняные горшки и ковры ручной работы на ряду с рыболовными сетями. Ни тебе высоких ворот, ни дорожек из плитки. Ни перед одним домом не стояла машина. Вместо них красовались телеги и тарантасы. Кое-где даже заметила сани-дровни, приставленные к забору. Видимо,

забыли убрать под крышу.

Я что, попала во времена Древней Руси?!

Невозможная, даже паническая мысль заставила меня замедлить шаг. Мое замешательство не укрылось от взгляда княжича.

— Передумала али испугалась предстать под справедливые очи князя? — ухмыльнулся он. — Князь Велибор славится своим честным судом! — выпалил он и подхлестнул гнедую.

На этот раз княжич ускакал далеко вперед. Видимо, наследнику претило, что ему приходится возиться со мной. Он уже приписал меня к тем, с кем не стоило и здороваться. Меня, правда, это нисколько не страшило. Больше пугала мысль, что я каким-то чудом оказалась здесь. Не умирала, в обморок не падала, чтобы получить второй шанс на жизнь. Ехала себе спокойно в деревню к бабушке. И попала. Туда же, куда и хотела...

За размышлениями я дошла до конца улицы. На окраине Залесово, на небольшой возвышенности стоял терем. Самый настоящий, как в сказках. Величественный, он возвышался над всеми домами деревни, словно вытянул шею для того, чтобы уследить за всем происходящим вокруг. Высокие ворота то открывались, то закрывались. Видимо, неожиданный приезд князя заставил браться за работу немного расслабившихся крестьян. Княжич буквально стек с лошади и передал уздцы подбежавшему мальчишке. Затем повернул голову в мою сторону, дабы убедиться, что я иду за ним, а не сбежала,

и исчез за воротами. Вокруг терема был возведен высокий забор из толстенных бревен с острыми концами. Стражи в доспехах степенно разгуливали вдоль забора.

Я сжала в руках документы. Нужно было предстать перед князем. По мне мазнули мимолетным взглядом и, потеряв ко мне всякий интерес, пропустили во двор без лишних вопросов. Внутри я замерла. Здесь носились более десятка людей. Кто-то под мышкой нес курицу, кто-то гнал скот к клетям, другие словно не знали, куда приткнуться, и просто бесцельно носились по двору.

– Чего рот разинула? – ко мне подскочила женщина в возрасте. – Нечего заставлять светлого князя ждать, – схватила меня за локоть и потащила за собой.

Рассмотреть великолепные залы мне не дали возможности. Женщина протащила меня по коридорам, затащила в один из залов и подтолкнула вперед, как в чем-то провинившуюся. В нос ударил аромат разнообразной еды. Похоже, я оказалась в трапезной. Подняв глаза, заметила длинный стол, заставленный съестным и разносолами. Во его главе восседал мужчина, при виде которого у меня по спине побежали мурашки.

¹ речь идет про поршни – кожаная обувь, по форме сходная с лаптями.

² колодец-журавль – колодец с особой разновидностью подъёмного механизма, называемой журавлём. Представля-

ет собой толстую жердь на рассохе у колодца с ведерком на одном конце и грузом на другом.

Глава 6

Глава 6

Не город, а град

Любава

Я подняла глаза и встретила взглядом с мужчиной, который все свое внимание обратил на меня, отложив ложку. Такими ложками у нас играли в ансамблях. Они были яркие, покрытые лаком. Я сглотнула, когда мужчина провел по бороде и сделал приглашающий жест. Приблизилась к столу, но присесть не посмела, во все глаза наблюдая за князем.

Если мне не вдали мои же собственные глаза, то их подготовка была отменной. Секта, видимо, имела богатых участников. Ну не в другое же время я провалилась, ей-богу! Тряслась спокойно в телеге и в какой-то момент попала во временную аномалию и очутилась во времена своих прапрапрабабушек? Тогда почему я ничего не почувствовала? Дорога-то была одна. Правда, машина директора училища успела свинтить до того, как я столкнулась с Яруном. В какой момент и в каком месте произошло перемещение, и не понять теперь. Легче было принять реальность с сектой.

Пока я лихорадочно размышляла, мужчина тоже не сводил с меня глаз. На самом деле князь был хорош, несмотря на ледяные мурашки от него. Густая, но не длинная борода добавляла ему возраста, и сказать точно, сколько ему было

лет, я не могла. Свежий шрам на щеке говорил о том, что князь не просто так занимал свое кресло предводителя, но и активно участвовал в сражениях. Одежду он уже успел сменить и теперь восседал за столом в богатом одеянии.

– И друга, и недруга мы встречаем с хлебом и солью, – князь указал на лавку вдоль длинного стола.

Я нерешительно шагнула к столу, но присесть не успела. Сбоку за спиной князя отворилась дверь и явила нашему взору того, кому я не была рада. Княжич сверкнул на меня злобными глазами, но ничего не сказал. Выпрямился и занял лавку по правую руку от отца. Внимание князя перешло на сына, но после вернулось ко мне.

– Присаживайся и раздели с нами еду, – князь повторил свое приглашение. – Не принято у нас на голодный рот толковать. И ты не нарушай традицию, Любава.

Меня удивил тот факт, что он знал мое имя, но я промолчала. Послушно поплелась к столу. Кто я такая, чтобы отказывать князю. Заняла лавку напротив княжича, уловив его недовольный взял и сжатые губы. Мужчина во главе же стола протянул мне деревянную ложку.

– Правду говорят в народе, что внушка Прасковьи теперь ученая? – поев каши, облизав свою ложку и отложив ее в сторону, заговорил князь. – После ее ухода у нас некому хворь лечить, а воевода мой жалуется на напасти среди его служивых. Косит мужиков, как траву по весне.

Я хотела сказать, что в лечебном деле не ученая, а при-

ехала детей обучать счёту да письму, но мне не дали и рта раскрыть. Да и сама побаивалась правду открывать.

– Ты не торопись ответ давать, – перебил меня князь. – Велибор тебя неволить не будет, но и достойную плату назначит в случае твоего согласия. Не буду водить за нос, в нашем княжестве ты нам нужна. Цветана помогла продержаться, но мужики не хотят к ней ходить. Поговаривают, что она недобрым помышляет, с темными силами породнилась. Подтверждения тем слухам нет, но народ к ней ходит, только когда больше не вмоготу. А мне нужны крепкие мужики. Не ровен час, Великий князь призовет на службу. И кого я за собой поведу?

К проблемам Велибора я прониклась, но не знала, как озвучить, что не умела я лечить людей. Научить писать и считать – это всегда пожалуйста, но не болезнь изгонять. Кроме подорожника, что в детстве на колени лепили, в лекарственных травах не разбиралась. Только и умела, что ромашковый чай заваривать. Вряд ли этими травами я могла лечить служивых мужиков. Могла еще на рану крепкий алкоголь вылить, но перевязать – пришлось бы звать на помощь. Даже если решусь остаться, меня вычислят на раз. Что же ждет меня потом? Виселица, костер или розги?

– Дом Прасковьи отдам в твое распоряжение. Добротный он, да и вашему роду принадлежит. Будешь ты богатой невестой, Любава. В женихи подберем не абы кого, – при этом Велибор красноречиво взглянул на своего сына. – Чем мой

Войко не люб? Сговора ни с кем нет, а ученая невеста всегда в цене. Ладной парой будете на радость всем.

На словах князя про жениха и Войко я вскочила из-за стола. Лавка с грохотом свалилась на пол, обращая внимание мужчин на меня.

– Не надо Войко! – голос мой звучал напугано, но хоть узнала имя княжича. – Не надо женихов, – пятась назад, проговорила я почти с безжизненным голосом.

Затем выбежала в коридор и понеслась куда глаза глядят. Не знаю как, но оказалась во дворе. Не с той двери, откуда зашла. Уже знакомый мне мальчик вел лошадь княжича. Даже не успев подумать, что я творю, вырвала уздцы из рук парнишки и вскочила на гнедую. Не скажу, что я умела скакать на лошади, но в какое-то время пыталась научиться на них ездить. Подрабатывала на конюшне, а хозяин разрешал брать лошадь.

Ворота, на мое счастье, были распахнуты, и мне не стоило никакого труда проскакать между стражами под крики всего двора. О погоне я думала в последнюю очередь. Умелый служивый догонит меня в два счета, но я хотела вырваться оттуда во что бы то ни стало. Какой замуж в мои годы? Еще и за этого напыщенного княжича. Нет уж, увольте!

Дорогу в сторону города я помнила. Она была одна. Лучше я кинусь Карлу Марковичу в ноги и буду умолять на коленях, чтобы он выбил мне направление в другое место. Да хоть куда, лишь бы отсюда подальше!

Лошадь Войко была послушной и скакала во весь опор. Мне оставалось лишь прижиматься к ее шее, чтобы ненадолго не выпасть из седла и не переломать себе руки и ноги. Оборачиваться назад я боялась не только из-за скачущих мне вдогонку коней, но из-за страха сломать себе шею. Я и так вцепилась в уздцы со всей силы, что, выпади из седла, протаскилась бы по земле, пока лошадь не остановится и дух мой не покинет тело.

К городу я доскакала лишь к вечеру. Но чуда не случилось. Еле слезая с лошади, вместе высотных домов я узрела деревянные срубы и терема получше избышки князя Велибора.

Я замерла, вглядываясь в дома. Внимательно так. Даже себя пощупала, за руки-ноги потрогав, не снится ли мне все это. Вдруг галлюцинации? Хотя ничего такого в пищу я не употребляла. Вряд ли мне что-то подсыпали в молоко. Обычно, наоборот, его пили для успокоения организма после острого и перченого. Соседка выпадала из списка подозреваемых. Да и князь Велибор вряд ли бы стал травить меня. За столом мы ели практически из одной посуды и одну и ту же еду из общего котла.

В голове мысли кружились хороводом. Одно и то же я чуть ли не прокручивала уже в десятый раз. Где же многоэтажки? Где бесконечный поток машин на дорогах? Пробки, в конце концов! Где мое родное училище и общежитие? Как же Карл Маркович?

Взяв лошадь под уздцы, направились в старинный город. При входе меня спросили, чья я буду и откуда. Услышав имя князя, меня пустили за ворота без проблем, проводив двусмысленными взглядами. Пришлось шустрее перебирать ногами, чтобы оказаться от них подальше.

На первый взгляд улицы казались незнакомыми. Но чем дальше и глубже уходила в город, тем чувство дежавю лишь увеличивалось. Каждый поворот словно был мне знаком. Хотя и поселение князь называл Черногоровом, я уже почти уверилась, что позднее оно получит совершенно другое название. Я училась в Черногорске.

Пройдя по нескольким улицам, начала замечать, что людей становилось все меньше, а на улице – все темнее. Уличного освещения абсолютно не было. Я поспешила к воротам. Захотелось вернуться в Залесово, в бабушкин дом, лечь на жесткий топчан и уснуть. До этого же отпустить накопившееся за эти дни напряжение, умывшись слезами. Облегчить душу. Да и я сейчас больше походила на настоящее пугало. Страшное и одинокое. Рядом никого не было. Все привычное мне исчезло, пропало, оставшись в моем прошлом. Но в воротах меня задержали.

– Куда, дивчина, за ворота на ночь глядя? – я снова встретилась с сальным взглядом того же мужчины. – Волкам на ужин? Айда ко мне. Я и приютить могу, и приласкать. Да и животинка у тебя недурна. Так уж быть, за ночлег расплатиться в самый раз, – мужчина мне был неприятен. Но я бы-

ла напугана происходящим вокруг меня, что от страха замерла и во все глаза смотрела на караульных. – Вижу, и сама не против поразвлечься, – мужчина шагнул ко мне, и его рука начала гулять по моему телу.

Меня спас Войко. Неожиданно.

– Если хочешь лишиться руки, то можешь продолжать, Юрас! – голос княжича словно вывел меня из состояния оцепенения. – Велибор не обрадуется, если ты испортишь его знахарку.

Княжич слез с коня, не взглянув на меня ни разу. Сейчас он не выглядел больным, как было при свете солнца. Спина прямая, что добавляло ему роста. Взгляд цепкий, а не беле-сый, что я могла наблюдать ранее. Неужели князь направил сына за мной?

– В Залесово за нее все мужики вступятся. Готов ли ты пойти против всей деревни? – приблизившись к лошади и начав водить по шее животного, вкрадчиво спросил он, не глядя на того, кого называл Юрасом.

Я все еще держала лошадь под уздцы и не знала, что пред-принять. За спасение от приставаний караульного я была благодарна Войко, но и с ним оставаться наедине не хоте-лось. Не в таком состоянии. Но выбора у меня не было.

– Я же не знал, – Юрас попятился назад, но княжич не со-бирался так просто оставлять все. – И своим передам, чтобы на нее и поглядывать не смели.

– Завтра же пойдешь князю и расскажешь, сколько девок

ты успел попортить. И твои дружки, — от слов княжича Юрас побледнел, но возразить или спорить не смел. Кивнул и тут же исчез, отправившись исполнять обязанности караульного. — Следуй за мной, — слова с презрением в голосе Войко на этот раз предназначались мне.

Я послушно поплелась за парнем по другую сторону его лошади. Княжич вел двух лошадей, видимо, не доверяя мне. И я выпустила уздечку, почувствовав свою вину перед ним еще больше. Войко молчал, и я не стала рисковать заговаривать с ним.

По темным улицам мы гуляли недолго. Вскоре княжич повернул к терему, который поражал своими размерами. Я боялась спросить, к кому мы пожаловали в гости на ночь глядя. Но то, что никто не бежал к нам на встречу, немного успокаивало.

Наконец-то Войко постучал в дверь. В щели появилось сонное лицо, но появление княжича быстро привело всех в чувство.

— Власта! — крикнул мужик куда-то за спину, раскрывая нам двери. — Быстро готов снесь для княжича.

Мы ступили во двор.

— Гости к нам пожаловали, — недовольно пробурчал гостеприимный хозяин, заметив меня.

Войко не стал ничего говорить. Доверил лошадей мужчине и направился в дом. Я осталась топтаться на месте, не зная, что делать. То ли идти за княжичем, но он меня за со-

бой не звал, то ли еще что.

— Долго тебя ждать? — от недовольного голоса Войко вздрогнула, не ожидая того, что возле двери он остановится и вспомнит про меня.

В доме не было людей. Где-то в глубине гремели посудой, но нас никто не встречал. Интересно, куда мы пожаловали?

Пока я размышляла и гадала, княжич разулся и снял верхний кафтан. И когда я только хотела озвучить свой вопрос: “Куда меня привели?”, услышала шаги. К нам вышла девица. Неужели мы в гостинице, что предлагает гостям окунуться в нашу историю и воочию почувствовать тогдашнюю жизнь?

Но недобрый взгляд красной девицы с пышными грудями, что тут же озлобилась, завидев меня, говорил об обратном.

Глава 7

Глава 7

Испорченное «свидание»

Любава

По злобному взгляду девушки сразу поняла: в этом доме я была нежеланным гостем. Мне бы отворить двери и уйти, но отчего-то я замерла и смотрела на хозяйку.

– Кого ты привел в наш дом? – переводя взгляд на Войко, вопрошала хозяйка дома.

Княжич не ответил. Он устало стянул с ног кожаные сапоги и поставил их в угол. Затем как-то обреченно выдохнул, уперев руки в колени и не поднимая головы. Казалось, Войко не хотел сюда заходить, но из-за меня ему пришлось переступить через себя. Я начала корить себя за свою выходку. Не сбеги я от князя, ничего этого не было бы.

– Ты забываешься, Власта, – в голосе княжича проскальзывали нотки не то гнева, не то злости, но что-то его самого коржило. – Это дом моего батюшки. Рано ты его начала считать своим. Неужто замуж за батю моего собралась? Лучше подготовь комнаты. Любава, – теперь Войко скривился при упоминании моего имени, словно лимон ел, – заночует здесь. И будь так добра, накорми гостя. Мне ужин подавать не надо. Я пойду отдыхать. Мои опочивальни готовы?

С этими словами княжич направился вглубь дома, и вско-

ре его шаги затихли. Ненавидящий взгляд Власты снова вонзился в меня, как жало пчелы. От ее черных как угольки глаз мне стало не по себе, только вот спрятаться от них было некуда. Не идти же в Залесово на ночь глядя, раз и княжич решил переночевать в Черногорове. Да и Юрас про волков что-то говорил.

— Мне бы освежиться после дороги, — молвила я, так и не дождавшись от Власты ни слова. Отчего-то она мне была неприятна, хотя девушка не сделала мне ничего плохого.

— Ишь, чего затребовала. Баньку тебе не затопить? Княгиня ли передо мной, чтобы я тебе услужила? В ножки не кинуться? — скрестив руки на груди, девушка не торопилась принимать меня как гостя. А я всего-то попросила ведро воды, чтобы умыть лицо и протереть тело.

— Я внучка бабки Прасковьи, буду принимать у себя людей, — озвучила я, глядя в глаза Власте. Ее прелести меня нисколько не интересовали. И на ее месте я бы завязки платья не распускала.

Ведь ничего другого мне не оставалось. Вернуться в Черногорск у меня не получилось. Теперь я находилась в Черногорове, что был намного больше Залесово. И, скорее всего, вся знать обосновалась здесь. Вон и у князя Велибора терем какой величины. Не то что в деревне. Даже личные слуги есть. Или Власта здесь по другому праву? Правда, одна лишь мысль о том, что девушка имела виды на Войко, вызвала во мне неприятные чувства. Пусть я и видела, что сам

княжич был не рад находиться рядом с Властой. Да и Велибор говорил о том, что его сын не сговорен ни с кем. Так отчего же девушка вела себя так, будто уже считала себя хозяйкой в этом доме? Я не имела виды на Войко. Сам княжич и не смотрел на меня. Он считал меня блудницей и дел со мной иметь не хотел. Хотя тут некоторые ведут себя похуже, чем упомянутые девицы, а Войко хоть бы хны. Тут уж Власте нечего предъявить ни мне, ни жениху, если он таковым являлся для нее. Если приходилось, то кривился, словно страдал от зубной боли.

– Войко просил принять меня как гостя, – проговорила я уверенно после разглядывания друг друга. Я догадывалась, что по положению была выше Власты. – Разве в доме князя Велибора иные порядки? Думаю, он расстроится, когда ему донесут об этом.

Власта хотела было высказать мне еще что-то, но ей помешал приход отца.

– Экая невидаль – держать гостя на пороге! – мужчина всплеснул руками. – Выпорю, Власта. Совсем от рук отбилась, – эти слова уже предназначались мне. – Хоть замуж выдавай, да привередлива сильно. Все ей женихи не те. То кривой, то косой. В народе молва пошла, что дочь Ивара гордыню поймал из-за родства с Велибором. Не иначе, говорят, княгиней себя почувствовала. Пойдемте за столь, Власта скоро накроет ужин, – мужчина показал кулак дочери и повел меня в трапезную. – И комнаты подготовим лучшие,

и перину постелем.

Власта не пошла поперек слова отца. Скоро на столе появилась дымящаяся пшеничная каша с мясом. Следом нашлись и квашеная капуста, и запеченная в печи репа, и тыква. Посередине Власта положила хлеб. Даже сладкое подать не пожалела. Клюква в меду так и притягивала мой взгляд. Я не торопилась полакомиться кислой ягодой. Аромат от каши щекотал нос, что у меня заурчал живот.

– Чем богаты, – Ивар отломил хлеб и протянул его мне, затем взялся за ложку и начал уплетать кашу.

Я не стала отставать. Первое время внимательный взгляд Власты напрягал, но вскоре я перестала обращать на нее внимание. Простой ужин был до того вкусный, что я невольно улыбнулась девушке и поблагодарила ее. Когда я уже добралась до клюквы, Ивар начал задавать вопросы.

– Внучка Прасковьи, говоришь, – отец девушки смотрел на меня недоверчиво, «лаская» свою бородку, словно до сих пор не верил мне. – Князь Велибор что же, принял уже решение?

– Обещался отдать мне дом бабушки, – прожевала ягоды и только после ответила я. – Буду лечить его людей.

– Ученая, – как-то зло произнес Ивар, что я забыла, как жевать. Но затем я заметила, как мужчина повернул голову в сторону дочери. Не на меня он гневался. – Завидная невеста Любава. Женихи тут же дорогу к твоему дому протопчут. Бобылей у нас хватает, даже Войко не сговорен. Велибор не

настаивает, ждет невесту в дом по душе сына.

Власта от слов отца покраснела. То ли признавала вину за собой, то ли стыдилась того, что Войко в ее сторону и не глядел.

– В Черногорове молва ходит, что Велибор и себе молодицу присматривает, – промолвил Ивар. От таких слухов я закашлялась. Княгиней становится я и вовсе не собиралась. Мне бы постараться и научиться людей князя лечить да дом бабки за собой сохранить. Войко и Велибора пусть местные девицы меж собой делят.

– Мне бы отдохнуть перед долгой дорогой завтра, – вытерев губы и руки холщовым рушником, что мне был подан, я встала из-за стола.

Как и обещал Ивар, меня проводили в отдельную комнату. Да только сон мой был краток. Разбудил меня стон. Мужской.

Первое, что я сделала, – накрыла лицо подушкой. И сама застонала от безысходности, пытаясь прикрыть уши, чтобы не слышать непотребство княжича. И не спрятаться ведь никуда, не сбежать из терема князя. Ни стыда, ни совести у людей. Не мог подождать? Так невтерпеж ему было? Свербило, что ли, у него там? Или это Власта к нему пробралась?

Пока я укоряла и Войко, и наглуую девицу, костеря их, стоны повторились. Я зарычала, укрываясь еще и одеялом. Только ничто не спасало. Сипы и стенания княжича все равно просачивались сквозь толщу бревен и пуха.

Замерла, но кратковременная тишина продлилась недолго. Снова стон. Протяжный, словно...

Я резко присела на кровати от догадок, сбрасывая с себя и подушку, и одеяло. От удовольствия так не стонут. Да и сколько можно уже. Не думаю, что Войко в таком состоянии, в каком его видела я, мог совершать подвиги в постели. Пока я выпуталась из-под одеяла, стоны снова повторялись. На этот раз уже больше похожие на скулеж. Не выдержала и направилась в сторону звуков. Добротная дверь с вырезанными из дерева узорами была плотно прикрыта, но стоны просачивались наружу.

Постучалась, как приличная девушка. Правда, благопристойные девицы по ночам должны спать и видеть прекрасные сны про женихов, а не ломиться в чужие покои. Ответом мне в начале была тишина, затем скулеж, будто человек мучился в агонии. Распахнула дверь и уверенно шагнула внутрь. Если все же Власта пробралась к княжичу, прикроются.

Но нет, Войко в постели был один. На первый взгляд можно было сказать, что он мучился от кошмара. Я хотела было уже развернуться и уйти, прежде разбудив его. Вот только что-то удержало меня.

Пригляделась к княжичу. Тело Войко было странно выкручено, словно боль его шла изнутри. Широкий лоб покрылся холодным потом. Глаза закрыты, но ресницы подрагивали, готовые распахнуться в любой момент. Мускулы лица напряжены, как и руки в кулаках, словно парень боролся

с чем-то темным. И пока проигрывал.

Шагнула к нему и протянула руку. От моего прикосновения Войко вздрогнул, но глаза не открыл и не проснулся. Княжич был холодный, как лед, и продолжал мучиться в агонии. Что-то высасывало из него силы, но я не понимала, что именно. Кроме взмокшей рубашки и штанов на теле княжича больше ничего не было. Никаких ран или порезов.

Пока я смотрела на Войко и гадала, что с ним происходит, сын князя снова застонал. Звук, что вырывался из его горла, глухо отозвался в темноте, будто он уже больше не мог бороться и сдавался. Слезинка скатилась по еще щеке, приводя меня в чувства. Мне было жаль парня. Его страдания болью отзывались во мне. Я никогда не могла пройти мимо чужой беды. И сейчас опустилась на пол, подложив под ноги что-то из тряпья.

Моя рука легла на голову княжича. В детском доме нас так успокаивала нянюшка. Войко перестал метаться. Уголкем одеяла вытерла пот с его лба. В темноте комнаты, под единственным светом луны, искать полотенце не рискнула. Пропуская густые волосы княжича сквозь пальцы, словно успокаивала младенца, я запела песню, что когда-то запала мне в душу.

— Ой ли люли, люли,

Налетели гули.

Налетели гули,

Да и сели на люли.

Стали думать и гадать,
Чем дитяtko потчевать.
Иль бубличком, иль медком,
Или сладким молочком¹, – вспомнила я колыбельную из
нашумевшего сериала, что смотрела по вечерам после уче-
бы.

Войко замер, задержав дыхание. Я не растерялась и сно-
ва тихонько запела. Но что-то темное внутри княжича не со-
биралось упускать свою добычу. Сын Велибора снова заску-
лил, хватаясь за мою руку. Он весь выгнулся, словно его те-
ло пронзили тысячи иголок. Дыхание его участилось, грудь
тяжело поднималась и опускалась. Но на этот раз Войко бо-
ролся, цепляясь за меня и мой голос. Мне ничего не оста-
валось, как петь дальше, не замечая того, что мое запястье
сжали как в стальные тиски. Силы-то у княжича имелись.
Отбросив мысли, как это Ивар и Власта не слышали стоны
княжича, я снова запела.

– Ой ли люли, люли,
Налетели гули.
Налетели гули,
На воротца сели, – пропуская сквозь пальцы мягкие во-
лосы парня, я отдалась песне. – Стали гули ворковать,
Стали гули усыплять.
Спи, молодчик, почивай,
Глаз своих не открывай.
Сколько раз я повторяла строки колыбельной, не помни-

ла. Уснула там же, сидя на холодном полу возле кровати княжича. Проснулась от ломоты в теле. Шея затекла, как и ноги. Кое-как повернув голову, чуть не вскрикнула. Лицо Войко было так близко, словно он сам ночью перекатился ко мне поближе. Княжич двумя руками прижимал мою ладонь к себе. При этом его лицо выглядело таким умиротворенным, будто ему удалось получить вожаденную вещьцу. От его ночных страданий и боли не осталось ни следа.

Кое-как освободив свою руку, при этом не разбудив парня, я поднялась на ноги, стараясь не кряхтеть. Нужно было вернуться в выделенную мне комнату, пока никто из домохадцев не увидел меня возле Войко. Взглянув на избавившегося от страданий княжича, который выглядел вполне здоровым, шагнула к двери. Половицы подо мной закрипели. Ночью я этого не заметила, но в утренней тишине они могли перебудить кого угодно.

Что и случилось. Сын князя раскрыл глаза и уставился на меня. И я ничего умнее не придумала, как просто сбежать. Авось Войко все спишет на ночной кошмар или утреннее забытье, когда непонятно, где сон, а где явь.

¹ Измененная колыбельная песня из сериала «Великолепный век».

Глава 8

Глава 8

Уговор с князем

Любава

В Залесово мы выдвинулись сразу же, как только позавтракали. Я старалась держаться в сторонке и не смотреть на княжича. Но несколько раз ловила на себе задумчивые взгляды Войко. О чем он думал? Догадывался ли о том, что утром я ему не приснилась?

Пока мы завтракали, Власта всеми силами пыталась привлечь внимание парня, но от меня не укрылось, как княжич морщился, когда девушка касалась его. Парня тяготила близость девушки, будто рядом с ней ему становилось трудно дышать. Ивар же делал вид, что не замечал раскованного поведения дочери, будто поощряя. А Войко все больше изнемогал, словно из него высасывали жизненные силы.

– Мне пора. Благодарствую за кров и еду. Князь Велибор волнуется небось, ждет не только меня, но и сына, – вскочила я на ноги. – Я так и не дала ему ответа. Надо успеть до его отъезда.

– Согласен, пожалуй, не стоит заставлять отца ждать, – Войко взглянул на меня с благодарностью и тоже вышел из-за стола.

Глаза Власты блеснули злобой, но я покидала дом князя в

Черногорове навсегда. Надеюсь, что я ее больше не встречу. Во дворе ко мне подвели другого коня. Лошадь Войко взял под уздцы сам, но не смог с первого раза оказаться верхом. Княжич замер, уронил голову на лошадь. Он тяжело дышал, но его ладони гладили шею животного, словно успокаивая. Когда кто-то сзади зашевелился, он попытался еще раз. Все сделали вид, что ничего не происходило. Войко уже сидел верхом, и никто не догадывался, каких огромных трудов ему это стоило. Власта тут же подбежала к нему и обняла его за ногу, но не удостоилась ни слова, ни взгляда княжича. Я же не отказалась от помощи. Вчерашнего адреналина уже не было, и тело оказалось тяжелым. Да и мышцы побаливали.

Прощаться не стала. Я не знала этих людей и не понимала, как мне себя с ними вести. Войко тоже отмалчивался. Подстегнул свою лошадь и выехал со двора. Конь подо мной в хлысте нисколько не нуждался. Он только и ждал, когда он может помчаться вперед. Нетерпеливое животное.

Дорога, как змея, извивалась впереди. Как и ожидалось, мой конь тут же припустил вперед. Ну я и не стала его придерживать, дав ему свободу. Да и мне как можно скорее хотелось оказаться в Залесово. В доме бабушки я чувствовала себя более защищенной, словно дух Прасковьи бродил рядом и оберегал меня.

Дорога домой показалась короче. При входе в деревню нас ждали и сопроводили к терему князя. Велибора я заметила издалека. Он прохаживался среди своих дружинников и что-

то им говорил. Нас он тоже заприметил и, оставив все дела, направился к воротам. Заговорить не спешил. У меня забрали коня, и под внимательным взглядом Велибора я чувствовала себя неуютно.

– Хотела в Новоград обратно податься? – пробасил он чуть погодя. – Вот, сохранил, – князь протянул мне мои бумаги. Вчера я про них совершенно забыла. – Не серчай, дочка, заглянул я в них. Хвалят тебя наставницы. Не соврала Прасковья про внучку, не зря заместо себя уговорила тебя оставить. Сама что решила? – мужчина говорил со мной, но взгляд Велибора был направлен на сына. – Неволить не буду, раз душа твоя здесь неспокойна. Решишь в Черногоров вернуться, тут же велю лошадь запрячь. Вещи бабки заберешь.

Я подавила свой интерес насчет дома бабки, но проследила за взглядом князя и начала наблюдать за княжичем. Мне хотелось разгадать тайну Войко. Что с ним происходило? Что не так с парнем? Не запрещенные же вещи он принимает. А ведь я не верила ни в сглазы, ни в порчу, но сейчас в голову лезли мысли именно об этом.

– Я останусь, княже, – ведь бабушка именно этого и хотела, да и я сама добивалась назначения сюда. Судьба сама решила, чтобы я оказалась здесь, не стоило ее гневить и испытывать. – Останусь, но...

– Говори, дочка, не обижу. Чувствую, вопросы у тебя накопились, – глаза Велибора как жало впились в сына.

– Не надо женихов, – едва слышно проговорила я. – Толь-

ко об этом прошу. Вашего слова они послушаются. Иначе одной в доме будет страшно. Бабушки-то нет. Некому за меня постоять да защитить.

Да и не готова была я терпеть выходки местных мужиков, как и их тумачков... стирать, готовить им. А здесь царили именно такие порядки. Князь оторвал взгляд от сына и посмотрел на меня.

– В Черногорове милый по сердцу остался? Ты мне смотри, Любава! – Велибор пригрозил мне пальцем. – Не посмотрю, что свое слово твоей бабке давал. Услышу, что про тебя говорят, тут же замуж выдам, и глазом моргнуть не успеешь. Ох и задаст он тебе. У себя под носом я не потерплю девичьих глупостей.

Я улыбнулась и закивала. Прижала документы к груди и уже направилась было к себе, как князь остановил меня.

– Постой, – князь в пару шагов преодолел расстояние между нами. – Меня не будет две седмицы. За всем будет следить Войко. Ты присмотришься к нему, – на просьбу Велибора я тут же возмутилась. – Не по сердечным делам прошу, Любава. Вижу же, что ты узрела что-то. Покой я потерял из-за него. Ворочусь, и потолкуем вместе. Добро, дочка?

Меня удивила прозорливость Велибора. Ну не из-за этого ли он князем назначен? Только почему ранее не отвел сына к моей бабке? И сам ведь заметил что-то.

– Добро, княже, – согласилась я.

– Теперь иди домой и завтра жди помощницу. Права ты,

негоже девице одной жить. Лечи моих ратников и готовь свои травы. Чую, недоброе что-то к нам идет, беспокойно на душе. Таких гостей с пустыми руками не встречают.

Мне дважды повторять не пришлось. Но зачем-то напоследок взглянула на Войко. Наши глаза встретились. Губы княжича сложились в тонкую линию, и ладони сжались в кулаки, словно он злился на меня. Велибор отметил это и нахмурился. Я же приспустила в домик бабушки. Теперь уже в мой дом.

Бабкин дом встретил меня тишиной. Ни тебе бабушкиных пирожков, ни печки, ни теплых улыбок. Еще и непонятное вокруг меня. Правда, не секта, как ранее я могла думать. Время другое. Знать бы еще, в каком именно году я оказалась. Жаль, газет здесь нет.

По новостям частенько видела репортажи про исчезновение людей. Кто уходил из дома и не возвращался, кто ушел по делам и не вернулся. И в газетах сколько объявлений читала. Постоянно кого-то искали, просили помощи найти человека. Теперь этой самой пропавшей оказалась я. Жива я и здорова, целехонька, да только в другом месте теперь обитать придется. Что, если и те люди не пропадали и с ними ничего не случалось, только оказались в другом времени? Исчезают же корабли в Бермудском треугольнике. Никто объяснить не может. Теперь и мое исчезновение никто не заметит. Вряд ли Арина и Аленка забеспокоятся, так и не получив письма от меня. Да и Карл Маркович будет занять ре-

монтом училища, ему не до меня будет. Он устроил меня? Устроил. Дальше уже сама.

Топот ножек привел меня в чувства. Насторожилась, но зря. На пороге оказалась Зарема, а из-за ее плеча выглядывала любопытная девица.

– Не дождалась тебя в своем доме, а ночью и вовсе огня в твоих окнах не разглядела. Хорошо, что утром князя встретила. Он-то мне и поведал, куда наша Любава ускакала, да и помощи оказать попросил. Вот, привела тебе помощницу, – женщина вытолкнула вперед девицу.

Я внимательно взглянула на почти что ребенка. Сколько ей? Четырнадцать хоть есть? Видимо, все вопросы отражались на моем лице.

– Ты не думай, Ружена у нас все умеет, – Зарема прошла вперед и уселась на лавку рядом со мной. – И родня ее приютила вначале. Да Бояна приревновала, видать, девку к своему мужику. Сиротинушка наша оказалась на улице. При твоей бабке она делом была занята всегда. Прасковья ее жалела, но спуску девице не давала.

Ружена смотрела на меня во все глаза. И я только сейчас заметила синяк у нее на скуле. Другого ответа, как согласиться, у меня не нашлось. Будем обживать. Две сиротинушки. Не приму – от Бояны ей еще больше достанется. Да и мне сподручнее, когда вдвоем.

– Уживётесь, – Зарема была довольна моим решением. – Ты уж не сердись на нее, больно болтлива иногда Ружена.

Нет, слухи не распространяет, но вопросов задает изрядно. На месте князя отправила бы я ее учиться, как тебя когда-то. Ума бы хоть набралась. А так мучайся с ней. Ну что ж, – Зарема поднялась на ноги, – теперь она твоя забота. У меня голова разболелась от ее болтовни. Пойду я, дети не накормлены. Ты тоже приходи потом, на первое время дам продуктов, чтобы обжиться. Дальше уже помогут или сами справитесь.

Так мы и остались с девчонкой вдвоем. Ну, удружил, князь. Поднялась на ноги, чтобы убрать бумаги в сундук. Ружена отпрыгнула к двери.

– Вот что, – поманила я ее к себе, – сбегай-ка ты к Зареме, да принеси обещанное ей. Будем вместе ужин готовить, заодно и познакомимся, – не успела я договорить, как Ружена убежала.

Вздыхнула и покачала головой. Ну что, Любава, хотела же ты обучать? Чем Ружена тебе не ученица? И пока она бегала к соседке, решила приготовить луковую кашу, чтобы ее синяк быстрее сошел.

Воротилась моя помощница быстро и тут же кинулась отбирать из моих рук чашку.

– Князь Велибор указал, чтобы я по дому во всем помогала, вместо хозяйки стала. Тебе же надобно заниматься своими делами, – удивила она меня.

Пришлось объясняться.

– Вот вернешь мне чашу, и уже на утро сможешь увидеть волшебство, – начала я. – Князь Велибор прав. С печкой я не

справлюсь, тут уж тебе самой придется постараться. Но вот с синяком помочь смогу, если вернешь мне чашку, – взглянула я на девочку.

Ружена не стала отпираться. Я же усадила сироту на лавку. – Сейчас мы помажем твоё лицо этой кашицей, а на утро синяка почти не будет, – нанося сок лука на скулу ребенка, приговаривала я. – И запомни, руку поднимать я на тебя не буду. Ни за плохую работу, ни за что другое. Запомнила? – Ружена кивнула. – Но попрошу быть честной со мной.

Девчонка закусила губу. Видимо, ей было что мне рассказать, но выпытывать я не стала. Захочет – сама выболтает. Что и случилось.

– Цветана слух пустила, что ты не знахарка никакая, а ведьма, – выпалила она, как я подозревала, самую важную новость. – Припугнула наших баб, что ты их мужиков приворожишь. Вон как княжича к рукам прибрала, да и княже наш за побег не наказал. Дом бабки отдал, хотя ничем не заслужила.

На её слова я чуть не рассмеялась, но объяснилась.

– В Черногорове помощь моя понадобилась, вот я и уехала, – улыбнулась я Ружене. – Войко же за мной направил сам князь, чтобы на своем пути беду я не встретила. Здесь я новый человек, много не знаю и упустила. А ты поменьше слушай баб и Цветану, – щелкнула я девочку по носу. – Завидуют, вот и брешут всякого.

– Больше не буду, а к тебе только верой и правдой. Слово

даю! — чуть ли не в струнку вытянулась Ружена.

Дальше мы занялись домашними делами. Вместе завершили уборку, вернули вещи на свои места. Девочка показала мне, что и где лежит. Сама же справилась с ужином. И все так ловко получалось у нее, что я нисколько не пожалела о своем решении приютить сиротку.

— Бабка Прасковья мне всегда здесь стелила, — устлая сундук холщовыми ковриками, стояла на своем Ружена. — Привычная я к этому месту уже. На новом месте плохо спалось, каждый раз вспоминала сундук бабки Прасковьи, — на лице девочки появилось грустная улыбка.

Я тоже скучала по бабушке. Вот только не получилось с ней свидеться. Мне еще предстояло выяснить, как так получилось, что я получила от нее гостинцы пару дней назад, а здесь ее не стало, как уже месяц. Больше не став вмешиваться в дела Ружены, продолжила следить за тем, как девочка укладывается спать на жестком сундуке. Уговорить ее лечь со мной у меня не получилось. Девочка все же сделала по-своему. Не став с ней спорить, уселась за лавку знакомиться с письменами бабушки. Растрепанные листы были так похожи на обычную тетрадь, что мне до мурашек стало интересно. Мне их преподнесла Ружена, случайно наткнувшись на них, когда убиралась на печке. Я туда и не заглядывала. И я уселась за стол под свет свечи, чтобы узнать часть тайн Прасковьи.

Я долго листала рецепты разных мазей и примочек, даже

наткнулась на некие обряды. Читать я их не стала, мало ли. Неровен час, накличу еще беду на себя. Когда уже и не надеялась найти для себя что-то важное, последние листы привлекли мое внимание. Бабушка обращалась ко мне. Но не успела я вчитаться в первые строчки, как вздрогнула от крика петуха.

«Уже утро?» – удивилась я, выглядывая в окно.

Но звезды на небе говорили об обратном. Чего тогда хвостатый распелся среди ночи? Не иначе, как беду кличет. И тут дернуло меня взглянуть в сторону двери. Заперлись ли мы на ночь? От увиденного я дар речи потеряла.

Сквозь щели просачивались черные щупальца, как густой туман поутру. Что это? Я подняла ноги на лавку, но тут же опомнилась. На страх времени не было. В доме моем был ребенок, сопел на сундуке, положив ладошку под щеку. Да и самой умирать не хотелось. Подбежала к печке, схватилась за ухват и шагнула к двери. Неужели Цветана таким образом решила меня известить? Но на дешевые фокусы я не куплюсь!

Но стоило раскрыть дверь настежь, как меня обдало могильным холодом. Взмахнула ухватом, сжав его сильнее. В народном фольклоре не раз говорилось о том, что в печи да в огне закалено, тому ничего не страшно. Жалко, что не лом. Туман немного рассеялся, и на пороге я увидела безжизненную руку. Этого только мне не хватало! Покойника мне в дом принесло?

Глава 9

Глава 9

Совместная ночь

Любава

Вместо испуганного визга я поставила ухват на пол, хорошенько стукнув им. Покойников бояться не следовало. Это я уяснила еще с похорон одного из профессоров, что проработал в нашем училище все свои годы. В осенний

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.